

ЕЛЕНА ПОПОВА

ПАУТИНА

Пьеса о будущем.

Действующие лица.

ЛО

НЕКРАСОВ, ее бывший муж.

МАГДА, ее подруга.

НАТАША, ее домработница.

БОРИС, муж Магды.

КАРЦЕВ, директор крупного научно-исследовательского института.

ОТЕЦ и МАТЬ НЕКРАСОВА

в немых сценах ОТЕЦ и МАТЬ ЛО

Действие происходит в квартире Ло в конце XXI века.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Конец двадцать первого века. Квартира Ло. В моде – ретро – мебель под старину, мягкие диваны, изысканные безделушки. В моде – романтизм, развивающиеся, струящиеся шарфы, блузоны, плащи, юбки, в моде широкополые шляпы. О мощном техническом прогрессе говорят только отдельные детали или предметы быта.

На Земле, как всегда, беспокойно. Серые борются с интеллектуалами, бедные с богатыми, молодежь – со всеми. Активен терроризм. Террористы захватывают корабли, самолеты, улицы городов. Отголоски этой бурной жизни большого мира доносятся с экрана телевизора.

Ло, женственная, в немыслимо колышущемся розовом платье-пенюаре стоит посреди комнаты, напротив нее светится серебристый экран, ответ падает на ее лицо, закрытые глаза, она как бы купается в волнах этого свечения, улыбается, ласкает себя, что-то бормочет... Она вся истома и наслаждение. Вспыхивают и гаснут светильники, существую как бы сами по себе. Волнами накатывает шелестящая, волшебная музыка. Но вот экран гаснет, музыка смолкает, светильники успокаиваются. Ло как бы приходит в себя, стряхивая сладостное наваждение.

Раздается сигнал телефонной связи, Ло нажимает небольшую сережку на мочке уха, отвечает.

Л о. Привет, родная! Спасибо! Спасибо! Я с пятьдесят третьего. Солнышко, ты на пол года старше меня! О, идут наши годы! Спасибо!

Раздвигается дверь, входит Некрасов.

О! Ко мне Некрасов! Будем прощаться? Спасибо. Привет Борису.

Опять прикоснулась к мочке уха, закончив разговор.

Некрасов! (Поцеловались.) Хочешь поздравить меня с Днем рожденья? Как мило с твоей стороны!

Принимает подарок.

Духи? (Нюхает.) Прелестные духи! Выпьем? Или ты хочешь капсулу?

Некрасов ходит по комнате, осматривается, как человек, который когда-то хорошо знал это место, но давно в нем не был.

Н е к р а с о в. Не употребляю.

Л о. А у нас все увлеклись. Это невинно.

Н е к р а с о в. Нет. Давай классику! Давай выпьем шампанского!

Достаёт из стеного холодильника бутылку шампанского, открывает.

На какую-то секунду задумался, смотрит на Ло.

Л о. Что ты на меня так смотришь? Не нравлюсь?

Н е к р а с о в. Почему? Нравишься.

Разлил шампанское по бокалам.

Твое здоровье! Будь счастлива, прекрасна! Вот как сейчас!

Л о. Спасибо, милый! Надолго?

Н е к р а с о в. До вечера. Навестил стариков, вот, зашел к тебе. Люблю свою деревню. Тихую, провинциальную жизнь. Классическую провинциальную науку...

Л о. Что, наука бывает провинциальной?

Н е к р а с о в. Я имею в виду науку, далекую от интриг, от моды... Науку-девственницу!

Л о. Ты считаешь, все мы здесь утонули в интригах? (После паузы.) А ты не думаешь, что вся ваша провинциальная девственность от провинциальной скуки тонет в сплетнях?

Пауза.

Н е к р а с о в, Ты – великолепна! Отлично выглядишь!

Л о. Спасибо, родной! Именинницам так положено.

Н е к р а с о в. Нет, действительно, ты похорошела.

Л о. Особенно, если вспомнить, какой я была с тобой! Ревность, ссоры! Ужас! Такое женщину не украшает.

Н е к р а с о в. Твоя ревность.

Л о. Не все ли равно чья?

Н е к р а с о в (взял бокал). За твою красоту! За то, чтобы она еще долго украшала этот мир, как его украшают цветы, бабочки, облака! (Выпил. После паузы.) Как сама?

Л о. Неплохо.

Н е к р а с о в. Сорок семь?

Л о. Да.

Н е к р а с о в. Сорок семь!

Л о. Ну так что же?

Н е к р а с о в. О чем-нибудь основательном не думаешь?

Л о. Не поняла... Что ты имеешь в виду? О чем таком основательном я должна думать?

Н е к р а с о в. Я имею в виду – главный долг. Продолжение рода...

Л о. Как высокопарно! Нет, знаешь, пока не думаю. Лет десять в запасе у меня еще есть.

Н е к р а с о в. Бете было под девяносто. На искусственной почке. Говорят, и яичник у нее был уже искусственный.

Л о. Почка – да, а вот яичник – сплетни. Нет, рожать в девяносто – это уже крайность. В шестьдесят как раз.

Н е к р а с о в. У тебя есть кандидатура?

Л о. Родной, если я решу, что это будешь ты, я свистну!

Н е к р а с о в. Свистни-свистни!

Л о. Свистну.

Н е к р а с о в (после паузы). У тебя не возникало желания меня навестить?

Л о. Ты знаешь, -- нет. Не возникало.

Н е к р а с о в. Но ты мне звонила... несколько раз...

Л о. Это тебе приснилось.

Н е к р а с о в. Это были хорошие сны. (После паузы.) А я хотел... Как-то чуть не сорвался.

Л о. Зачем столько трудов!

Н е к р а с о в. Мне не наплевать, что с тобой происходит.

Л о. Ничего плохого.

Н е к р а с о в. Ты всегда была независима, экставагантна. Ты всегда шла впереди всех...

Л о. Но не до такой же степени, ты хочешь сказать!

Н е к р а с о в. Да, не до такой же степени!

Л о. А до какой степени мне можно идти?

Н е к р а с о в (после паузы). Есть законы природы, моя дорогая... Закон видов. Мы с тобой принадлежим к одному. Поэтому мы и любили друг друга, черт побери, что бы ты сейчас не говорила!

Л о (после паузы). Это мое дело, по-моему, кого мне любить.
Н е к р а с о в. Не кого, а что! В том-то и дело! Что!

Пауза.

Л о. Так вот о чем сплетничают сейчас в твоей деревне. (После паузы. Холодно.)
Успокойся. Зачем так много эмоций? Мы были в браке, мы расстались. Мы учились
вместе. Мы были друзьями... до тех пор, пока не стали жить вместе... Мы принадлежим к
одному виду и, если я надумаю этот вид продолжить, возможно, я воспользуюсь твоими
услугами. Но это будет еще не скоро! (После паузы.) Как родители?

Н е к р а с о в. Спасибо. Хорошо.

Л о. Не жалеют, что перебрались в пансион?

Н е к р а с о в. Им нравится.

Л о. Мои не хотели в пансион.

Н е к р а с о в. Это предрассудки.

Л о. Я их потеряла за одну неделю... Сначала отец, через несколько дней – мать...

Н е к р а с о в. Я знаю.

Л о. Сколько твоим?

Н е к р а с о в. Отцу сто восемь, матери девяносто шесть.

Л о. Могут еще пожить.

Н е к р а с о в. Вполне.

Л о. Едешь экспрессом?

Н е к р а с о в. Экспрессом...

Л о. Ну, отдыхай. А мне надо идти. (Быстро переоделась.) Возьми что-нибудь из
холодильника, пожуй.

Н е к р а с о в. Ты... скоро вернешься?

Л о. Вряд ли. Работы про-пасть. (Поцеловала.) Привет, милый!

Вспыхивает экран, -- серебристое свечение. Светящаяся точка в центре, расходящиеся
от нее волны. Напоминает огромный глаз.

Оба смотрят на экран. Экран гаснет.

(После паузы.) Будь здоров, если не свидимся.

Н е к р а с о в (про себя). Свидимся.

Л о ушла, Некрасов один. Ложится на диван, закрывает глаза. Входит Магда.

Некрасов наблюдает за ней из-под опущенных век. Она это чувствует.

М а г д а. Спишь?

Н е к р а с о в. Нет.

М а г д а. Ну, привет!

Н е к р а с о в. Привет!

М а г д а (садится рядом, заигрывает). Ланка уже отправилась?

Н е к р а с о в (до какой-то степени это заигрывание поддерживает). Только.

М а г д а. Хочешь капсулу?

Н е к р а с о в. Нет.

М а г д а. Одну-единственную!

Н е к р а с о в. Не уговаривай. Вы на капсулы перешли?

М а г д а. Здорово уравнивает. Это ты сидишь в своем Оксфорде. Здоровый образ
жизни, велосипед, волейбол! А у нас сплошные стрессы...

Н е к р а с о в (останавливая ее домогательства). Как Борис?

М а г д а. А! Бешеный, нервный, как обезьяна! Или вечером сядет и сидит... Я ему...
 Борь! Ну скажи что-нибудь! Помнишь Вельтмана?
 Н е к р а с о в. Конечно. Мы дружили в колледже. Говорят, инфаркт?
 М а г д а. Заруби на носу, инфаркт – не болезнь, инфаркт -- это очень сильное переживание.
 Н е к р а с о в. Да нормальный он был мужик, чтобы уж так сильно из-за чего-то переживать. Философски ко всему относился. Когда-то мы с ним такое устраивали!
 Помнишь наш летний лагерь?
 М а г д а(усмехнулась). Конечно, помню!
 Н е к р а с о в. Было бы что Борьке порассказать.
 М а г д а. Попробуй только!
 Н е к р а с о в. Ладно! Если до сих пор не рассказал, что уж тут рассказывать.
 М а г д а(после паузы, серьезно). Плиний за пятнадцать минут сделал то же, что Вельтман со своей командой за три года. И нашел ошибку.
 Н е к р а с о в. Что же тут плохого? Прогресс!
 М а г д а. Нет... Прогресс – это для людей, ведь правда? А все, что не для людей – это уже не прогресс...
 Н е к р а с о в. Не понял.
 М а г д а. А, ладно... Как сам?
 Н е к р а с о в. Спасибо.
 М а г д а. Загорел... Там у вас, наверно, неплохо...
 Н е к р а с о в. Даже очень неплохо.
 М а г д а. Тихо.
 Н е к р а с о в. Тихо. Ты же знаешь, у нас даже машины запрещены. Собираются запретить бытовую технику.
 М а г д а. Потрясающе!
 Н е к р а с о в. Почему ты не заводим ребенка? Тоже откладываешь на будущее?
 М а г д а. Ну почему... Я бы как раз и родила... Просто Борис такой нервный... Да и я... Ты же видишь, какая я...
 Н е к р а с о в. Вполне симпатичная Магдушка, подруга детства...
 М а г д а(с раздражением). Ты не видишь, какая я? (Достала еще одну капсулу, проглотила. После паузы. Спокойней.) В наших кругах вообще мало рожают. В низах тестирование, стерилизация... Не знаю, нужно ли все это...
 Н е к р а с о в. Я в эту проблему как-то не вникал.
 М а г д а. В нашем детстве все было иначе. Когда ты уезжаешь?
 Н е к р а с о в. Сегодня.
 М а г д а. Поездом?
 Н е к р а с о в. Да, если помнишь, терпеть не могу летать. Впрочем, может и завтра.
 М а г д а. Уезжай!
 Н е к р а с о в. Выпроваживаешь?
 М а г д а. А ты что, не понимаешь, в чем дело? Ты прекрасно понимаешь, в чем дело! Не прикидывайся! Ты для этого и приехал!
 Н е к р а с о в. Ну так что...
 М а г д а. Она его любит! Ты понимаешь? Она его любит.
 Н е к р а с о в. Компьютер...
 М а г д а. Это не кормпьютер.
 Н е к р а с о в. Ты хочешь сказать – это человек?
 М а г д а. Нет, не человек. Другое. Может даже больше. (После паузы.) Ты был единственным мужчиной в ее жизни... Если обо мне этого не скажешь, в ее жизни ты был единственным. Тебе здесь опасно.
 Н е к р а с о в. Думаешь, эта гора микросхем может ревновать?

М а г д а. Это не гора микросхем, я уже сказала! (После паузы.) Посмотри, у меня руки дрожат!

Н е к р а с о в. Завязывай с капсулами!

М а г д а. Ты ничего не понимаешь! Ничего! Ты – дурак! Кретин! Все вы – болваны!

Н е к р а с о в. Ладно, успокойся... Я уеду... (После паузы.) Я уеду. Просто, понимаешь, я был перед Ло виноват... Я виноват! Я!

М а г д а. Я и говорю – ты дурак! Это уже не имеет никакого значения!

Пауза.

Я пошла...

Н е к р а с о в. Спасибо... Ты заботишься обо мне...

М а г д а. Мы – друзья. Потом, ты же знаешь... я любила тебя... в колледже...

Н е к р а с о в. И я тебя любил.

М а г д а. Брось! Ты со мной спал, но ты меня не любил.

Пауза.

Н е к р а с о в. А что, если вам приехать ко мне в Оксфорд? Тебе и Борису. Там у меня хорошо. Просто на траве поваляться! Плевать на все и валяться на траве!

М а г д а (после паузы). Это было бы неплохо...

И, как бы спохватившись, Магда быстро ушла. Некрасов один. Пауза.

Набирает номер видеосвязи. На экране – кабинет Карцева. Карцев, нахохлившись, сидит в кресле, кутается в плед.

Н е к р а с о в. Здравствуй.

К а р ц е в (оживился). А... Привет!

Н е к р а с о в. Заглядывал к тебе в Центр, сказали ты дома.

К а р ц е в. Да, видишь... вторую неделю... Кашель не проходит.

Н е к р а с о в. Поседел.

К а р ц е в. А, милый, так на сколько я старше тебя!

Н е к р а с о в. Если я когда-нибудь встречал вечный двигатель, то это был ты.

К а р ц е в. Льстишь, льстишь! Все до поры до времени... (После паузы.) Вот... В окно смотрю... Наблюдаю за погодой. Утром одно – вечером другое. Промежуточных состояний – тьма! Небезынтересно... (После паузы.) Понимаешь, дружок, я всегда считал, вслед за Шекспиром, что человек, как биологический тип – это венец творенья. Впрочем, этот вопрос на уровне аксиомы – не обсуждался. Сейчас я несколько иначе к этому отношусь... И тоже вслед за Шекспиром, который тут же себе противоречил, обзывая его квинтэссенцией праха... Объясняю элементарно...

Н е к р а с о в. Элементарно! Твое словечко!

К а р ц е в (после паузы). Да, объясняю элементарно... Возьмем приливы и отливы... Все эти толщи, мощи, бездны воды, покорно двигающиеся к луне или от луны... Ну а что мы с тобой на фоне всей этой космической грандиозности? Мы же в сущности тоже вода! Жалкие капли! Мокрое место! Не зря говорится – буря в стакане воды... (Включат телевизор, там полиция разгоняет демонстрантов.) Только посмотри на эти толпы! На эти страсти, активность которых можно вычислить, наблюдая взрывы на солнце... (Выключил телевизор. После паузы.) Умрем – высохнем. Только шелуха останется... Превратимся в сухих мух! Что? Утешать себя тем, что наш дух уйдет в Космос? Станет звездой или галактикой? Нет, милый, мы не венец творенья... Мы – навоз для Вселенной. Я, ты, мы... Пришли, уйдем... Божественный замысел мне не ведом. (После паузы.) Конечно, ты хочешь узнать про Плиния... Да, милый мой... Я всю жизнь работал... Пот, кровь,

слезы... И вот – свершилось. Свершилось! Мы рядом с ним – никто. Обслуга. Рабы. Что захочет, то и делает. Просто он еще не решил, что с нами делать. Пока мы ему нужны.
 Н е к р а с о в. Это ты о ком?

К а р ц е в. О Нем... (После паузы, прижал палец к губам.) Тс... О Хозяине Сети... Я не просто вспомнил про мух... Мы мухи в его паутине... Я положил жизнь, но теперь знаю о нем не больше тупого мальчишки из низшей школы. Так что, не спрашивай больше, ничего не спрашивай. Одно скажу – «Она имеет во чреве от Духа Святого... родившееся в ней есть от Духа Святого...» Писание. (После паузы.) Как тебе в Оксфорде?

Н е к р а с о в. Нормально. Я доволен.

К а р ц е в. Приятно слышать, что хоть кто-то чем-то доволен. Как ты нашел Лану?

Н е к р а с о в. Хорошо.

К а р ц е в (после паузы). Я рад. (После паузы.) Мы кончились, мой милый. Я имею в виду... людей. Меня, тебя, нас... Такое всегда неожиданно. Наверное, динозавры в свое время тоже очень удивились. У тебя есть дети?

Н е к р а с о в. Нет. Ты же знаешь!

К а р ц е в. И у меня – нет. (После паузы.) Мы кончились. Мы себя исчерпали. Или нас исчерпали... Примем это достойно. Вполне можно еще немного пожить. Лет двадцать, сорок, пятьдесят наше существование еще может продлиться. Все зависит от того, насколько мы будем им нужны...

Н е к р а с о в. Кому... им?

К а р ц е в. Плинию и ему подобным... Потому что, конечно, он создаст себе подобных! И, родившееся в ней есть от Духа Святого... Может, это и есть божественный замысел? Зачем уничтожать новые Содом и Гоморру? Не лучше ли пойти по пути совершенства и вытеснения? Этаким скачок эволюции... Э, милый, сколько тайн! Мы все – тупые ученики низшей школы! Откуда появилась первая живая клетка? Оттуда же! Родившееся в ней есть от Духа Святого. (После паузы.) Мне надо пить лекарство. Прощай, милый! Спасибо, что меня нашел. Всегда тебя любил. Ты не суетный. Приятно было... поболтать.

Карцев сделал как бы прощальный жест рукой, хотел повеселее, но вышло как-то Жалко. Экран погас. Пауза. Некрасов набрал новый номер. На экране его родители в Пансионате. Отец и Мать.

О т е ц. О! Кого мы видим!

Н е к р а с о в. Как вы?

О т е ц. Вполне!

Н е к р а с о в. Я скоро уезжаю.

М а т ь. Ты больше не зайдешь?

Н е к р а с о в. Мама, я же был у вас утром! Потом, я часто звоню.

М а т ь. Что такое эти звонки? До тебя даже нельзя дотронуться.

Н е к р а с о в. Конечно, чтобы дотронуться, надо приехать!

М а т ь. Разве нам выбраться в дорогу?

Н е к р а с о в. Мне, мне приехать!

М а т ь. Ладно, я ворчу. Тебе нравится жить в Оксфорде, живи в Оксфорде.

Н е к р а с о в. Работать, мама, мне нравится там работать. (После паузы.) Я все хотел спросить, отец...

О т е ц. Спрашивай!

Н е к р а с о в (после паузы). Как ты?

О т е ц. Я же сказал – вполне.

Н е к р а с о в. Я имею в виду...

О т е ц. Я думаю, ты имеешь в виду такие штуки, как цель и смысл... Я думаю, ты имеешь в виду... удовлетворение... Ну так мне сто восемь! Я давно не в науке. Ты же знаешь, пишу воспоминания. Это приятно. Это как будто еще раз прожить свою жизнь. Сегодня

я вдруг вспомнил одну смешную деталь – свои синие резиновые сапожки... Мне не было четырех лет, или было уже четыре, не помню... Мама надела на меня новые сапожки и мы пошли смотреть новую станцию метро. Там так замечательно пахло – всем новым, я бегал по этой станции, мои новые сапожки поскрипывали... И тоже так восхитительно пахли! Было столько радости! Ты скажешь, какие глупости, кому нужны такие воспоминания, кроме тебя самого! Конечно! Поэтому я это и не записал. Я просто вспоминал и улыбался. Я проживал это еще раз! Знаешь, чему можно поучиться у мудрого детства? Одной очень важной вещи – жизненному процессу. Процес-су! Как источнику наслаждения! Как высшей мудрости! Процессу, в котором скрип сапожек четырехлетнего малыша и запах нового метро – это и есть главная составляющая смысла жизни. (После паузы.) Если мы с твоей матерью проживем еще лет двадцать, ведь неплохо же будет? А? Будем смотреть на цветы, деревья, просто смотреть, как течет вода в реке..

М а т ь. Не слушай его! Можно подумать, он только и смотрит на цветы и деревья!

О т е ц (слушает радио). Да, в мире неспокойно... Если бы только не эта вечная борьба за сферы влияния!

Н е к р а с о в. Я еще позвоню.

О т е ц. Счастливо.

М а т ь. Счастливо, сынок!

Экран гаснет. Входит Наташа.

Н а т а ш а. Здравствуйте. Я давно здесь. Не хотела мешать. Я пришла убираться. Я знаю, вы знакомый хозяйки... (Загружает в холодильник продукты.) Может, хотите перекусить? Я купила белковое суфле. Лично я терпеть его не могу, а хозяйка просто обожает! Да тут много всего. У ней всегда все есть для гостей. Хотите?

Н е к р а с о в. Спасибо, я не голоден.

Н а т а ш а. Тогда, может, кофе?

Н е к р а с о в. Нет, спасибо. А почему ты не предлагаешь мне капсулы?

Н а т а ш а. Ну это кому что нравится. Лично я предпочитаю алкоголь. Но не каждый день. И мужчин. Это можно почаще.

Н е к р а с о в. Думаю, у тебя с этим нет проблем.

Н а т а ш а. Почему вы так думаете? Сейчас у всех с этим проблемы. Интеллектуалам не до этого. С ребятами попроще тоже не всегда интересно. На раз! Попадется какой-нибудь придурок!

Н е к р а с о в. Ты не замужем?

Н а т а ш а. Нет. Но ребеночек у меня есть. Девочка. Славненькая! Я прошла все тесты. Я неплохо училась в низшей школе. Тут, знаете, есть одна такая вещь... Психологическая особенность. Одно дело – когда не хочешь, а другое – когда не дают! Я, может, из упрямства и родила! Прошла все тесты и родила! Среди простых ребят есть стерилизованные. Я их по глазам узнаю. Все, вроде, нормально, а в глазах...

Н е к р а с о в. Что, в глазах?

Н а т а ш а. Что может быть в глазах, когда не дают? Другим можно, а им – нельзя. Станный вы человек! Неполющенность! Вот что. С ними даже сексом заниматься неинтересно.

Н е к р а с о в. Ребенка сама растишь?

Н а т а ш а. С чего это я буду его растить? Он в садике растет! Мне работать надо! Мне жить надо! (Занимается уборкой.) Да вы не обращайтесь на меня внимания! Отдыхайте или говорите с кем-нибудь. Если скажете, я выйду...

Н е к р а с о в. Сколько тебе лет?

Н а т а ш а. Будет двадцать восемь.

Н е к р а с о в. Немного.

Н а т а ш а. Да я еще совсем молодая! (После паузы.) А у вас как с этим?

Н е к р а с о в. С чем?

Н а т а ш а. С сексом, конечно!

Н е к р а с о в. Нормально. А что?

Н а т а ш а. Просто интересно... Сейчас у всех с этим проблемы. Вы не думайте, я не намекаю. Вы -- знакомый хозяйки, это для меня святое. Просто у нас с вами такой откровенный разговор.

Н е к р а с о в. Да я не просто знакомый хозяйки. Я муж хозяйки. Хоть и бывший.

Н а т а ш а. Ого! Тем более! (После паузы. Активно занимается уборкой.) Лично я не против, кому что нравится... Моя соседка так любит женщин. Прохода мне не дает, злится! Человек-то она неплохой, да что мне с этого? Я люблю мужчин! Кому что нравится... Хозяйка моя вон любит свою машину...

Н е к р а с о в. Как это она любит машину?

Н а т а ш а (после паузы). Все ему расскажи, бывшему мужу! Вот какой любопытный!

Н е к р а с о в (после паузы). Ну, а кроме мужчин и алкоголя, что ты еще любишь?

Н а т а ш а. Много чего люблю! Уж не думайте, что я такая примитивная.. Я хорошо училась в низшей школе. Просто я молодая! Когда мне еще жить, как не сейчас? Кино люблю... Путешествовать...

Н е к р а с о в. Где же ты побывала?

Н а т а ш а. Легче сказать, где я не была.

Н е к р а с о в. Ну, где ты не была?

Н а т а ш а. В Австралии не была, в Антарктиде не была... На Луне не была... Вообще, в Космосе никогда не была. Боюсь!

Н е к р а с о в. Вот я тоже боюсь.

Н а т а ш а. И вы? Мужчины ж любят. И моей соседке нравится. Как ракета взлетает, начинаются все эти перегрузки – ей самый кайф.

Наташа прикасается к бытовому пульту, сползает штора, открывается раздвижная стена, за ней – Сад. Это деревья, газоны с цветами. Над Садам проливается легкий дождь, барабанят капли. И вот опять возвращаются, скользят солнечные лучи. Появляются отец и мать Ло, прохаживаются по Саду, у их ног бегают собаки. Иллюзия абсолютной реальности.

Это – Сад, это – родителей хозяйки... Они умерли...

Н е к р а с о в. Я знаю.

Н а т а ш а. А это – ее собака.

Н е к р а с о в. Джим.

Н а т а ш а. Ее машина задавила.

Н е к р а с о в. Я хорошо их знал...

Н а т а ш а. Я первый раз увидела – испугалась. Это почти, как кино... Но это не кино.

Н е к р а с о в. Я знаю...

Н а т а ш а. Это очень дорого. Такое может быть только у самых богатых...

Н е к р а с о в. Я знаю.

Н а т а ш а. Жалко, конечно! Сейчас любые органы можно пересадить. Главное, чтобы вовремя. Они сами не захотели. Хозяйка говорит, можно будет обновляться и обновляться. Только страшно дорого. Мне уже сейчас надо копить.

Оба смотрят на родителей Ло в Саду.

Но они все равно уже были пожилые, они пожилы, правда?

Стена задвинулась. Сад исчез.

Я все убрала. Я пойду.

Н е к р а с о в. Подожди... (После паузы.) Давай займемся любовью... Сексом... (Привлекается ее к себе.)

Н а т а ш а(вырывается). Нет, что вы! Для меня муж хозяйки – это святое!

Н е к р а с о в. Бывший муж хозяйки!

Н а т а ш а. Все равно.

Н е к р а с о в. Хозяйка пусть любит свою машину, а мы с тобой, пока все свое, сделаем нормального человеческого детеныши!

Н а т а ш а. Я не хочу ребенка, чего это вы?

Н е к р а с о в. Будем его любить, будем его воспитывать! Купим ему сапожки, свозим на Луну!

Н а т а ш а(отступает). Одно дело – секс, другое – ребенок. Чего это вы?

Н е к р а с о в. Через сто лет он будет вспоминать, как бегал по Луне в сапожках и как они поскрипывали! (После паузы.) Не хочешь?

Н а т а ш а. Нет!

Н е к р а с о в(обнимает ее). А я хочу! Очень хочу! Сейчас!

Входит Ло, Наташа вырывается из объятий Некрасова, поправляет разметавшиеся Волосы.

Н а т а ш а. Я не хотела! Я – никогда! Вы меня знаете, хозяйка!

Л о. Да успокойся. Что за волнения...

Н а т а ш а. Я не виновата! (После паузы.) Я все убрала.

Л о. Вот и отлично! До завтра.

Наташа ушла.

Я думала, ты уехал.

Ло достает из холодильника пакет, наливает в стакан беловатую жидкость, Располагается у телевизора, переключает программы, потягивая из стакана питье через соломинку. С экрана в комнату врывается тревожный, многоголосый мир – конец двадцать первого века, его летательные аппараты, политические волнения, бесконечные демонстрации бунтующих человеческих масс.

Н е к р а с о в. Что ты там ешь?

Л о. Хочешь попробовать? (Налила жидкость в другой стакан, протянула Некрасову.)

Н е к р а с о в(пригубил). Жуткая гадость!

Л о. Очень полезно.

Н е к р а с о в. Это весь твой обед? Скоро ты совсем разучишься есть.

Л о(усмехнулась). Это было бы неплохо.

Н е к р а с о в. А что? Хочется иногда?

Л о. Когда мне чего-нибудь хочется, я себе в этом не отказываю. (Вышла на связь, несколько раз прикоснувшись к кольцу на пальце.) Простите, когда уходит Европейский экспресс? У же ушел? Я имею в виду – следующий. Утром? Почему только утром?

Почему он ходит так редко? Люди предпочитают самолеты? (Отключила связь, после паузы.) Почему ты не любишь самолеты?

Н е к р а с о в. Не люблю болтаться в воздухе. Кто-то любит, а я – нет.

Л о. Ты же бываешь на Луне.

Н е к р а с о в. Редко. И каждый раз так напиваюсь, страшно вспомнить!

Л о. У тебя что-то с нервами?

Н е к р а с о в. Нет, просто такие вещи не в моей натуре. Я не люблю ни моря, ни воздуха... Я люблю сушу! Я сухопутный человек. Размеренный. Уважаю природные ритмы. Ночью сплю, днем работаю... (После паузы.) Что, выгоняешь в зал ожидания?

Л о (холодно). Оставайся... (Смотрит телевизор.)

Н е к р а с о в. Почему наши планы никогда не совпадают с реальностью?

Л о. У меня совпадают.

Н е к р а с о в. А у меня – нет. Вот я был уверен...

Л о. Ты всегда был слишком уверен.

Н е к р а с о в. Я был уверен, что мы с тобой помиримся.

Л о. Разве мы в ссоре?

Н е к р а с о в. Я был виноват...

Л о. Да не все ли равно...

Н е к р а с о в. Я действительно был виноват! (Все больше горячась.) Но и ты как себя вела? Ревновала! Следила за каждым шагом. Я – нормальный мужик, я хотел свободы!

Л о (небрежно). Вот ты ее и имеешь.

Н е к р а с о в. Я бы сам никуда не делся! Просто это меня угнетало, как ты не понимаешь! Я тебя любил, но это меня угнетало! (После паузы.) Я только из-за этого стал приходить позже.

Л о. По-моему, ты совсем перестал приходить...

Н е к р а с о в. Я приходил! Только позже...

Л о. Потом у тебя появилась эта корейночка.

Н е к р а с о в. Это не серьезно!

Л о. А Лиза? Ты забыл Лизу?

Н е к р а с о в. Можешь говорить все, что угодно, но я всегда любил только тебя.

Л о. Да... Если бы я пришла на полчаса позже... Представляю, какую картину я бы застала... Сколько у мужчин сперматозоидов? Тьмы и тьмы! И все полны любви! Даже к такой шлюшке, как моя Наташа.

Н е к р а с о в. Это совсем другое. Я был просто зол.

Л о. Ты всегда найдешь оправдание. О чем мы говорим? Ты хотел свободу, ты ее имеешь!

Живи, как хочешь, мне все равно.

Н е к р а с о в. Это-то и ужасно. Для меня.

Л о. Ревную – плохо, не ревную – тоже плохо. Милый, определись!

Вспыхивает экран, тревожно, даже как-то агрессивно мерцает. В центре – светящаяся точка. Ло пристально, как загнипнотизированная смотрит. Наконец, экран гаснет. Некрасов в ярости трясет ее за плечи.

Н е к р а с о в. Что происходит? Что происходит? Что происходит?

Л о. Отпусти! Сейчас же! Я не Наташа.

Н е к р а с о в. Что происходит?

Л о. Я счастлива...

Н е к р а с о в. Бред! Бред! Ахинея! Чушь! Ты себе внушила, нет, это он тебе внушил!

Л о. Я никогда не была так счастлива... (После паузы. Холодно.) Собрался уходить?

Н е к р а с о в. Да... Трахну кого-нибудь в любом подъезде или я спячу...

Л о. Ты маньяк?

Н е к р а с о в. Я – живой! Живой мужчина! Которому жена изменила с грудой проводков!

Л о. Не драматизируй. Мы давно расстались. Потом... с тобой мне редко бывало хорошо... Когда сходятся мужчина и женщина, начинается какая-то бойня. Кто-то должен взять верх, кто-то должен страдать. Ты меня мучал пять лет. Люди не могут не мучать друг друга!

Н е к р а с о в. Тебе нужно было немного мне уступить! Немного! И все было бы хорошо.

Л о. Мне уступить! Не тебе, а мне. Потому что я – женщина, а ты – мужчина. И ты начинен всеми этими первобытными предрассудками. (После паузы.) Смешно! Ты кричишь, и я тоже начинаю кричать. Как глупо! Как у нас много совершенно не нужных, обременительных эмоций.

С раздражением включила телевизор, и как бы откликаясь на ее настроение -- там бурная студенческая демонстрация.

Вон! Видишь? Одни эмоции!

Н е к р а с о в. Молодость.

Л о. Да. Молодые, здоровые животные. Полные агрессии и нереализованных половых желаний. Недавно я поздно вернулась домой, только вышла из машины, ко мне бросились трое, вот таких же... Я еле вскочила в лифт.

Н е к р а с о в. У них – политические лозунги...

Л о. Да брось! Как это все первобытно... Страшно ходить по ночам. Мы пришли в тупик.

Н е к р а с о в. Ты пришла в тупик.

Л о. Нет, мы пришли в тупик. Мы все.

Н е к р а с о в. Женщине вредно философствовать. Красивой вдвойне.

Л о(с раздражением). Опять мужчины, опять женщины. Опять – первое место, опять – второе! Ты всегда затыкал мне рот!

Н е к р а с о в(после паузы). Жизнь надо принимать такой, какая она есть. Не принимать ее такой, какая она есть, это значит – жить войной. Женщинам нельзя жить войной – это противоестественно, это разрушает.

Л о. Я не живу войной. Меньше всего я живу войной. Просто нельзя не видеть очевидного. Ни одни философские, политические, социальные идеи никому еще не принесли счастья. Кажется уж такая древняя, гуманная идея – коммунизм... Так и она лопнула, как мыльные пузырь в течении одного века, все вокруг залила кровью и принесла миру больше несчастий, чем откровенные злодеи.

Н е к р а с о в. Тем ни менее, мир устраивается и... достаточно разумно.

Л о. Разумно? Конец двадцать первого века, наука фантастическая. И все равно страшно ходить по ночам... Разнузданный демос. Любой кретин может ворваться к тебе в квартиру и ты будешь его заложником. Терроризм, самые нелепые локальные войны. Ты считаешь это нормой? Ты считаешь, эту жизнь надо принимать такой, как она есть? В ее нелепой, биологической, первобытной природе? Нет, такую жизнь, в таких ее формах я не принимаю. Ее время истекает... Чтобы ни говорили про цивилизацию, никто еще не мог набраться мужества и признать, что все равно правит бал первобытный дикарь. С его мириадами сперматозоидов...

Н е к р а с о в(после паузы). Такие разговоры сейчас в моде... К концу любого века любили поговорить конце света.

Л о. Я никогда не придерживалась моды.

Н е к р а с о в. Конечно, ты хочешь избавиться от этого первобытного дикаря.

Стерилизовать, запереть в резервации...

Л о. Стерилизацию придумала не я.

Н е к р а с о в. Сначала избавиться от дикаря, потом от всех остальных. Ведь трудно же провести черту. Трудно сказать, где черное, где белое. Где истина... Истина всегда между ними. Твои радикалы – страшный народ. Для чего людям правила? Только, чтобы не заблудится в хаосе. Правила оттачиваются тысячелетиями. Это как поручни на улицах в полярную ночь. Истина – совсем другое. Это – озарение, сущность, маяки в хаосе, это то, что за правилами. Выше правил! Это смысл жизни ни одного поколения.

Л о. Ну, конечно, никто не знает истины. Только ты!

Н е к р а с о в. Я тоже не знаю, я догадываюсь.

На мгновение вспыхивает, мерцает экран, пронзительна светящаяся точка в его центре, наполняя комнату какой-то экзистенциальной тревогой.

Л о. Мы заговорились. Завтра у меня много работы. Ты, кажется, хотел пойти в зал ожидания? Там совсем неплохо.

Н е к р а с о в. Наконец, выгоняешь.

Л о. Выгоняю.

Н е к р а с о в. А я не пойду. Я тебя никому не отдам.

Л о. Не тебе решать.

Н е к р а с о в. Почему? Мне. Мне! Биологическому дикарю!

Звуковой сигнал. На экране Магда. Магда заливается слезами.

М а г д а. Карцев...

Л о. Что, Карцев?

М а г д а. Он с собой покончил...

Л о. Чуть!

М а г д а. Выпил груды таблеток. Его уже не спасти.

Магда исчезла.

Л о. Неправда! Скажи, это неправда! (После паузы. В истерике.) Нет, это чуть какая-то! Это просто невозможно. (После паузы.) Он всегда был с нами! Помнишь, как он пришел к нам в колледж? Он сказал, кто из вас любит физику, останьтесь после занятий... Мы все остались. После этого ничего больше уже не могли любить. Скажи, что ты молчишь! Скажи!

Включила новостной канал. На экране – диктор.

Д и к т о р. Сегодня днем скончался известный ученый, руководитель Центра...

Л о выключила телевизор.

Л о. Нет...

Опять навязчиво вспыхивает, мерцает экран, агрессивная точка в центре, и вдруг видно становится, идущее от него излучение – расходящиеся и все как бы ощупывающие лучи.

Н е к р а с о в (тихо). Ну... Что же ты... Покажи, как ты это делаешь... Или это у вас только на работе...

Л о (хрипло, не то Некрасову, не то кому-то еще). Пошел к черту! Обними меня! Слышишь? Я сказала, обними меня!

Некрасов обнимает Ло.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Утро следующего дня. Некрасов принимает душ. Входит Магда, располагается на диване, закуривает. Появляется Некрасов, растирается полотенцем, на его лице невольное удовольствие от всей этой процедуры.

М а г д а. Я была уверена, что ты не уедешь. Выпью чего-нибудь. (Достала из бара бутылку вина.) А ты как ни в чем не бывало! И вообще... как ни в чем не бывало! Фантастика!

Н е к р а с о в.. А что мне прикажешь делать? О стену головой биться? Это что-нибудь изменит?

М а г д а. Нет, не изменит... Но все-таки... Мы уже ни на что не реагируем. Вот провались сейчас вокруг нас земля, ты будешь принимать душ, а я пить вино, курить и только поглядывать вниз, в пропасть...

Переключает программы телевизора.

Опять заложники!

Н е к р а с о в. Что на этот раз?

М а г д а. Деньги! Что еще? Деньги! Пересадить сердце, почки, продлить жизнь! Все же хотят только одного – продлить жизнь. Все хотят, но не все могут. Ну а мы, так называемы интеллектуалы, пьем чай и говорим о чем угодно, только не о главном.

Н е к р а с о в. Нам не пить чай?

М а г д а. Раньше психология была другая. Сколько отпущено, столько и отпущено. Помнишь, еще в колледже, у Достоевского... Жизнь полюбить больше ее смысла. Через два века все это и сделали. Да просто взбесились! (После паузы.) По сто семнадцатой программе можно в любой момент посмотреть чью-то смерть. Вот до чего дожили!

Н е к р а с о в. Я слышал, многие сами приглашают телевидение.

М а г д а. Родственники. И опять за деньги. Я бы запретила сто семнадцатую программу!. Ведь мы уже не сострадаем! Мы не сострадаем! Сначала мы не сострадаем всем, а потом уже не сострадаем никому.

Н е к р а с о в. Пьем чай, ты хочешь сказать?

М а г д а. Карцев столько для нас значил... Три упаковки капсул! Больше их видеть не смогу! Пусть! Стану алкоголичкой. (После паузы.) А ты – ничего. Ты почти веселый!

Н е к р а с о в. Кто тебе сказал, что я веселый?

М а г д а(налила и выпила еще). Вельтман, да... В сущности, по смыслу он сделал тоже самое... Он же не захотел заменить сердце... Ему надо было просто заменить сердце и жил бы себе, как миленький. Ему надо было жизнь полюбить больше ее смысла! Так нет, ему понадобился им смысл! Впрочем, у него просто была депрессия. (После паузы.) Вы помирились?

Н е к р а с о в. Да.

М а г д а. Поздравляю.

Н е к р а с о в. Я бы ее забрал.

М а г д а. Думаешь, ты победил во всей этой истории? Нет, Некрасов, ты не победил... Еще никто не знает, что такое Плиний... Вот... Он появился... Никто не знает, что это... Карцев знал больше других... И Вельтман... Оба сдались... И Карцев сдался! Бросил нас... Всю жизнь работал, всю жизнь... А потом выпил три упаковки капсул. Даже те, кто когда-то сделали атомную бомбу, так не поступили. (Налила и выпила еще.) Ты что-нибудь понимаешь во всей этой истории? Я – нет... Я чувствую себя обезьяной, которая еще не слезла с дерева... А он – уже слез.

Н е к р а с о в. По мысли это не точно.

М а г д а. Иди ты со своей точностью! Когда у Ланки только что-то началось, я первая догадалась... Знаешь, что пришло мне в голову... Первое, что пришло в голову... Даная и золотой дождь!

Н е к р а с о в. Слишком красиво...

На экране – Борис.

Б о р и с. Здравствуй...

Н е к р а с о в. Привет, Борька! (После паузы.) Встречаемся при... вот таких обстоятельствах.

Б о р и с. Да, поганые обстоятельства. Магда, не пей! Не давай ей пить! Она уже дома прилично тпнула. И вчера вечером. Когда плохо, от этого лучше не становится.

М а г д а. Это тебе не становится, а мне становится. Мне как раз становится! Что ты за мной подсматриваешь? Я не могу зайти к Некрасову, чтобы ты за мной не подсматривал? Некрасов, пошли его к черту!

Б о р и с. Как там... твои дела?

Н е к р а с о в. Неплохо.

Б о р и с. Идет работа?

Н е к р а с о в. Идет потихоньку...

Б о р и с. Сколько ты уже на этой теме?

Н е к р а с о в. Второй год.

М а г д а. С ним будет то же, что с Вельтманом. Не в смысле... Он не такой нервный. Просто Плиний с ним расправится!

Н е к р а с о в. Со мной никто не расправится. Никто!

М а г д а. Расправится-расправится!

Н е к р а с о в. Для Вельтмана главным был результат... Ну а для меня, как говорит мой отец, главное – процесс. Со мной не будет, как с Вельтманом, процесс у меня никто не отнимет.

М а г д а. Какой он храбрый, ай, какой он храбрый!

Н е к р а с о в. Мне интересно не только то, куда я иду, но и то, что вижу вокруг.

М а г д а. Ай-ай-ай!

Б о р и с. Не давай ей пить. (После паузы.) При паршивых обстоятельствах встречаемся...

Н е к р а с о в. Ничего. Держись, Борька!

Б о р и с. Да, будем держаться. Выбора нет.

Экран погас. Магда, послав Борису воздушный поцелуй, опять налила вина.

Н е к р а с о в. (вырвал из ее рук бутылку). Хватит тебе!

М а г д а. (жадно допила вино из бокала). А! Пошли вы все к черту! Умники! Му-жчи-ны! Ло права, вы уже ни на что не годитесь! Ни на что!

Н е к р а с о в. Помолчи. Дай поговорить с родителями. Они, наверное, уже трезвонят в Оксфорд.

На экране родители Некрасова. Отец одним ухом приник к старомодным наушникам.

Привет!

О т е ц. Здравствуй, дорогой!

М а т ь. Ты не в Оксфорде? Мы звонили в Оксфорд!

Н е к р а с о в. Я еще не уехал, не беспокойтесь.

М а т ь. Почему ты не уехал?

Н е к р а с о в. Так получилось. Все нормально, мама. Я помирился с Ланой.

М а т ь. Я рада. О ней говорят разные глупости, но я в это не верю.

Н е к р а с о в. Я тоже.

М а т ь(подталкивает отца). Поговори с сыном!
 О т е ц. Да...
 М а т ь. Он слушает новости. Поговори с сыном!
 О т е ц(рассеянно, продолжает слушать новости). Да...
 М а т ь. На тебе вчерашняя рубашка?
 Н е к р а с о в. Я куплю, переоденусь.
 М а т ью. Надо следить за собой! (Подталкивает отца.) Поговори с сыном!
 О т е ц(рассеянно). Да?
 М а т ь. Как будто нет ничего важнее последних известий! Кто у тебя?
 Н е к р а с о в. Магда.
 М а т ь. Магда?
 Н е к р а с о в. Ты ее помнишь?
 М а т ь. Конечно! Вы выросли на моих глазах!
 М а г д а(пьяно помахала ручкой). Привет!
 М а т ь. Мне не нравится, как она выглядит. С ней все в порядке?
 Н е к р а с о в. Есть проблемы... (После паузы.) Я буду звонить.
 М а т ь. Не забудь переодеть рубашку.

Экран погас.

М а г д а. Твоей мамаше не понравилось, как я выгляжу?
 Н е к р а с о в. Вид у тебя действительно не блестящий.
 М а г д а. Ну, а они – вполне... Очень неплохо! Не обижайся... Может, тебе неприятно, но я скажу... Твои родители напомнили мне родителей Ланки в Саду... С той разницей, что эти живые, а те -- нет.
 Н е к р а с о в. Им неплохо... И мне неплохо, от того что им неплохо.
 М а г д а(после паузы). Карцев так бы не смог. А ты смог бы?..

Магда опять завладела бутылкой.

Н е к р а с о в(отнял бутылку, поставил обратно в бар). Хватит с тебя! Хватит!

Некрасов стал собираться.

М а г д а. Ты куда?
 Н е к р а с о в. Пойду куплю рубашку.
 М а г д а. Так закажи на дом!
 Н е к р а с о в. Нет, пойду сам... заодно пройдусь... Посмотрю на город.
 М а г д а. Я с тобой! С тобой пойду! Посмотрю на город!

Магда вскочила с дивана, но тут же ее повело в сторону, так что она чуть не упала.

Черт! Я пьяная?
 Н е к р а с о в. Да, ты готова. Оставайся, проспись! В таком виде ты никуда не годишься...

Некрасов уходит.

М а г д а. Подожди! Хочешь, я тебя с ним познакомлю?
 Н е к р а с о в. С кем?
 М а г д а. С Ним! С Ним!
 Н е к р а с о в. Пока не имею такого желания.

Магда (глупо хихикнула). Зато он имеет такое желание.

Некрасов оглянулся – бледно мерцает экран, остро сверкает точка в его центре, от нее разбегаются круги.

Передай ему привет!

Некрасов. Почему ты думаешь, что это ко мне?

Магда. К кому же еще? Передай ему привет! Или ты боишься?

Некрасов. Почему, боюсь?

Магда. Тогда – давай.

Некрасов. Просто не имею такого желания.

На экране появляются цифры.

Магда. Что это?

Некрасов. Семнадцать сорок пять... Насколько я понимаю, это время отправления Европейского экспресса.

Магда (развеселилась). Он тебя выпроваживает! А ты, что ты ему ответишь?

Экран погас.

Некрасов. Думаю, мой ответ ему не нужен.

Магда. Да, он дико самоуверен.

Некрасов. Пойду за рубашкой.

Некрасов ушел. Убедившись в этом, Магда опять достала из бара бутылку вина, шатаясь добрела до дивана и устроилась там, отхлебывая прямо из горлышка и пьяно хихикая.

Магда. Муж-чины! Надоели! Я понимаю Ло. Ло, я тебя понимаю! Я тоже... А что? Берегись! Будем соперницами! Пусть он гений! Ради Бога... Только что он смыслит в красоте? В конце-концов и я не дурна. И я вполне! На уровне. А? Конечно, у него есть тайны! Как у Кашея Бессмертного, как у Синеи бороды... Там иголка в яйце, потайная комната... А может и то, и другое... Иголка в яйце в потайной комнате! (Хихикает в восторге от своего остроумия.) А может, он на какой-нибудь запах реагирует? Когда-то моя собачка обожала всякую гниль! Просто в иступление впадала! Выла, как сумасшедшая! (После паузы.) А что? Во всяком случае оригинально. (После паузы. Расточает в пространство воздушные поцелуи.) Ах, мой милый! Ах, солнце мое! Дай я тебя поцелую! Пардон, куда мне тебя поцеловать? Сейчас подумаю... Я тебя поцелую... (Хихикает.) Я тебя... (Умирает со смеху, отхлебывает из бутылки.) Вообще-то я не плохо провела первую молодость... Есть что вспомнить... Есть что вспомнить... Можно и переменить сексуальную ориентацию. Родной! Солнце мое! Крошка моя! (После паузы.) Что б ты сдох! Поганая железяка! Козел вонючий! Что б ты сдох!

Какое-то время Магда расслабленно лежит на диване. Вспыхивает, мерцает экран, от него идет свечение, вот светящийся поток увеличивается, усиливается, подползая к дивану, на котором лежит Магда. Магда вскакивает, кричит, швыряет одну туфлю, другую, бросает подушку, визжит. Входит Некрасов, экран гаснет.

Некрасов. Что случилось?

Магда. Черт побери, я боюсь!

Некрасов. Ты высосала всю бутылку.

М а г д а. Тут что-то ползало... под ногами!
 Н е к р а с о в. Побольше пей! Еще не то увидишь!
 М а г д а(после паузы). Купил рубашку?
 Н е к р а с о в. Нет, не дошел.
 М а г д а. Почему?
 Н е к р а с о в. Соскучился!
 М а г д а. По мне?
 Н е к р а с о в. Да, по тебе.
 М а г д а. Ты – прелесть! Солнце мое! Сейчас я приведу себя в порядок... И мы пойдем по магазинам!
 Н е к р а с о в. Давай.

Некрасов садится в кресло, спиной к экрану. Магда причесывается, она возбуждена, не может устоять на месте.

Только давай, побыстрее!
 М а г д а. Помнишь, в летнем лагере, в колледже... Мы лежали на стогу сена... Звезды были величиной с кулак! Я больше таких звезд никогда не видела. Помнишь?
 Н е к р а с о в. Смутно, Магда... У меня скверная память... Я запоминаю только цифры.
 М а г д а. Я тебя так любила, Некрасов! Я тебя так любила! Борьку я никогда так не любила!

Вспыхивает, мерцает экран. От него идет мощное свечение, распадаясь на световые языки, и отдельные острые лучи.

Вон! Опять! Ползет! Опять!
 Н е к р а с о в(не видит). Ты перепила. Это уже серьезно. Никаких магазинов. Отвезу тебя к Борьке.

Острый луч идет от экрана к Некрасову, Магда бросается наперерез.

М а г д а. Некрасов! Некрасов! Некрасов!

Магда коротко вскрикивает, падает.

Прошло несколько часов. Некрасов лежит на диване, покрыт пледом, на голове – мокрое полотенце. По комнате ходит Наташа.

Н е к р а с о в(очнулся). Кто здесь?
 Н а т а ш а. Я..
 Н е к р а с о в. Кто?
 Н а т а ш а. Я... Наташа... Как вы себя чувствуете?
 Н е к р а с о в(сбросил полотенце, пытается встать). Нормально...
 Н а т а ш а(удерживает его). Лежите... Вам сказали лежать! Скоро хозяйка придет.
 Н е к р а с о в. Да, голова болит немного. (После паузы.) Где Магда? (После паузы.) Что-нибудь случилось?
 Н а т а ш а. Она... А, все равно узнаете... Умерла она.
 Н е к р а с о в(вскочил). Как?
 Н а т а ш а(опять удерживает его). Лежите, лежите... Вам нельзя. Врач сказал... разорвался сосуд. И вы упали, ударились.
 Н е к р а с о в. Почему разорвался? Как это...разорвался? Что за бред?!

Н а т а ш а. Врач сказал, так бывает... Вы лежите! (После паузы.) У нее разорвался, она стала падать, вы хотели ее поддержать и сами упали, ударились.

Н е к р а с о в. Бред! (От неловкого движения застонал от боли.) Бред!

Н а т а ш а. Да мне самой жалко. Я сама не своя... Вон, до сих сердце колотится... Я вхожу, а вы лежите... (После паузы.) Все непонятно... Вон, какие они умные, образованные... А никто не знает, когда с кем что случится... (После паузы.) Веселая была! Она мне всегда говорила – Наташа, помни себя! Молодость одна. Когда нафаршируют всякой синтетикой, это уже не те ощущения. Да я и сама знаю!

Н е к р а с о в. Сколько время?

Н а т а ш а. Без пяти шесть.

Н е к р а с о в. (усмехнулся). Европейский экспресс уже ушел.

Н а т а ш а. Куда вам! Вы до лифта не дойдете!

Вошла Ло.

Л о. Как он?

Н а т а ш а. Проснулся. Разговаривает.

Л о. Разговаривает – это хорошо. (После паузы.) Сходи куда-нибудь... Сходи – купи мяса.

Н е к р а с о в. Ого! Мы же не едим мяса! Мясо – это так вредно! Не говоря уже о его вульгарности. Плоть убиенных.

Л о. (терпеливо выслушала). Главное, чтобы ты ел.

Наташа ушла.

Как ты?

Н е к р а с о в. Лучше не бывает.

Л о. (после паузы). Она была моей подругой... Последнее время мы часто ссорились, но она была моей подругой много лет... Мы подружились еще детьми в младшем колледже... (После паузы.) Стоит перед глазами... в круглой шляпке... Ты не помнишь, мы носили такие круглые шляпки... Она была очень доброй... романтической девочкой...

Н е к р а с о в. Он хотел убить меня, а убил ее.

Л о. (строго). Не надо так говорить. Даже если ты не в себе. У нее разорвался сосуд. Она слишком многим злоупотребляла.

Н е к р а с о в. Он ее убил.

Л о. (после паузы). Это то же, что сказать, что я ее убила. Что я убила свою единственную подругу.

Н е к р а с о в. Это ты ее убила.

Л о. Ну, знаешь... Есть пределы...

Ло отошла, села в кресло.

Ты просто не представляешь, что это такое...

Н е к р а с о в. Вот именно! Самое точное слово. Не кто, что! Что!

Л о. Ты не понимаешь, с чем имеешь дело. Люди по сравнению с ним – животные.

Н е к р а с о в. Неужели и ты?

Л о. И я... (После паузы.) Он – само совершенство, высшая гармония, чистый разум...

Нет, тебе не понять...

Н е к р а с о в. Куда уж мне!

Л о. И ты подозреваешь его в мелких человеческих грешках... Судишь по себе! Это нелепо! (После паузы.) Тебе надо пить лекарство... (Налила в ложку микстуру, подошла к Некрасову, тот отвернулся.) Ну, не валяй дурака! Открой рот! Некрасов, я еле стою на

ногах! Потом это совсем не для меня, а для тебя! (После паузы.) Ты ведешь себя, как ребенок!

Некрасов выпил лекарство. Ло вытирает полотенцем его лицо, поправляет плед, во всех Ее движениях проступает нечто большее, чем обычная забота. Вспыхивает экран, Мерцает, на нем надпись. ОН ДОЛЖЕН УЕХАТЬ. (Эти слова могут быть озвучены и механическим голосом.

(Твердо.) Он не может уехать. Поезд уже ушел.

Надпись. УЛЕТЕТЬ.

Он не любит летать. Его укачивает.

Надпись. ОН ДОЛЖЕН УЙТИ ОТСЮДА.

Он нездоров! Он уедет завтра!

Надпись. ОН ДОЛЖЕН УЙТИ ОТСЮДА.

(Раздраженно.) Он уедет завтра! (Отключила экран.)

Н е к р а с о в. Ого! Ты с ним ссоришься.

Л о. Заткнись!

Вошла Наташа.

Н а т а ш а. Я купила мяса.

Л о. Приготовь ему поесть.

Наташа быстро приготовила мясо в небольшой, встроенной духовке.

Подавала Некрасову.

Н е к р а с о в(приподнялся). Запах! Спасибо! Кажется, вечность не ел. (Принялся за еду.)

Л о(наблюдает за ним с гримаской отвращения). Как ты можешь?

Н е к р а с о в. Мало того, что могу – люблю!

Л о. Вот так, наверное, ели и в доисторические времена.

Н е к р а с о в. Ты имеешь в виду, в каменном веке?

Л о. Да, именно в каменном веке. Мы не далеко ушли.

Н е к р а с о в. Надеюсь, я это делаю немного поаккуратней.

Л о. Относительно. (После паузы.) Животные едят животных...

Н е к р а с о в. Хочешь попробовать?

Л о. Ради Бога!

Н е к р а с о в(встал). Мне, вроде, лучше...

Л о. Я рада.

Н е к р а с о в. Что ж? Собраться с силами и поползти в аэропорт?

Л о. Не надо. Ты еще не оправился.

Н е к р а с о в. Но я не хочу поссорить тебя с таким совершенством, как твой друг!

Л о. Ты еще не здоров. Поедешь завтра. (После паузы.) Вчера ты говорил совсем другое...

Н е к р а с о в. Это было вчера.

Н а т а ш а. Хозяйка, я могу идти?

Л о. Ты все сделала?

Н а т а ш а. Да. Ой, забыла убрать в Саду!

Стена чуть раздвинулась, Наташа скрылась в небольшом проеме, но тотчас Выскочила оттуда. Она в необыкновенном испуге.

Хозяйка! Хозяйка!

Стена раздвинулась. По Саду неторопливо гуляют отец и мать Ло, Карцев и Магда, у их ног бегают собаки. Если мать, отец и Карцев спокойны, пристойны и Благообразны, то Магда такая, какой запомнил ее Некрасов в последние минуты Жизни – пьяная, разлохмаченная, лихорадочная.

(В истерике.) Я не могу больше, Хозяйка! Я ухожу от вас, Хозяйка! Вы хорошая! Вы – все, нормально, вполне! Платите! Работать не трудно! Но я же живой человек! Я их всех живыми не знала, а ее я знала! Она мне всегда говорила – Наташа, помни себя! Я больше не буду у вас работать, я не могу, ей-Богу!

Л о. Успокойся.

Н а т а ш а. Я не могу, Хозяйка! Отпустите меня! Я не могу... больше!

Л о(жестко). За-мол-чи.

Пауза.

Иди домой, выспись. Завтра все будет, как раньше. Магды в Саду не будет.

Н а т а ш а. Верните мои документы, Хозяйка! Я вас очень прошу! Я для вас – все! В любое время! Отдайте мои документы!

Л о(после паузы). Хочешь отправиться на стерилизацию?

Н а т а ш а. Нет, Хозяйка, нет, еще не хочу! У меня есть ребеночек, очень славный. Но вдруг мне захочется родить еще... Я не хочу на стерилизацию! Вы бы видели глаза тех, с кем это сделали! Одно дело, когда не хочешь, другое, когда не дают! Отдайте мои документы!

Л о. Замолчи! (Крик Ло так резок и неожиданен, что Наташа замолкает. Спокойно.) Иди домой, завтра все будет, как прежде.

Н а т а ш а. Хозяйка, я боюсь...

Пауза.

Не дождавшись ответа, Наташа уходит. Остановилась у входных дверей.

(Тихо.) Я не могу выйти...

Л о(раздраженно). Да что ты в самом деле! Значит, там что-то с дверями!

Нажала пульт. Сама подошла к дверям, нажала кнопку – двери открылись.

Я говорила!

Наташа ушла, но скоро вернулась.

Н а т а ш а. Я боюсь заходить в лифт...

Л о. Это еще почему? Что тут страшного?

Н а т а ш а. Я боюсь, Хозяйка...

Л о. О, Боже мой! Что тут может быть страшного? Не выдумывай! Или иди пешком с десятого этажа! Ну, я тебе сказала!

Н а т а ш а. Верните мои документы, Хозяйка!

Л о. Завтра поговорим.

Наташа ушла, дверь за ней закрылась.

Н е к р а с о в. По-моему, со мной ты была гораздо свободней... Нет? Разве я был деспотом? Потом, я никогда не устраивал тебе сцены ревности.

Л о. У меня болит голова!

Ло мечется по комнате, не находя себе места. Включает телевизор, переключает программы.

Я выпью... вина... (Налила вино, выпила залпом.)

По телевизору – концерт, звучит романтическая мелодия.

Н е к р а с о в. Оставь... Помнишь эту мелодию?

Л о. Помню...

Н е к р а с о в. Потанцем?

Л о. Тебе нельзя.

Н е к р а с о в. Если человеку чего-то очень хочется, значит – можно. Мы медленно...
Прошу!

Они танцуют.

Я помню... Мы с ребятами только закончили играть в футбол, ты ехала мимо на велосипеде... Мы смотрели на тебя и все в один голос сказали – Ого! Все до одного! Ого!

Л о. Я, наверное, была в круглой шляпке... Я ее так любила! Это было модно! Все девчонки тогда носили такие шляпки – а ля люн. Они назывались – шляпки полнолуния...

Н е к р а с о в. Мы не разбирались в моде. Но все мы тогда сказали – Ого!

Л о. У Магды тоже была такая же шляпка. Может, я с ней тогда ехала на велосипеде? В каком это было году?

Н е к р а с о в. Скорее всего, в начале семидесятых...

Л о. Полеты на Луну тогда тоже только входили в моду.

Н е к р а с о в. А ведь в младшем колледже я тебя почти не замечал.

Л о. Зато мы с Магдой тебя сразу заметили! Какое чудное было время! Чудное время! Мы с ней мечтали, что проживем долгую жизнь и сделаем много хорошего. А как мы копили деньги, чтобы слетать на луну! Мы даже не ели морожено!

Н е к р а с о в. Слетали?

Л о. Это было потрясающе. Не забывай, сколько нам было лет. Бедная Магда!

Танцуют.

Эта мелодия тогда тоже была модной... Она была повсюду, звенела в ушах... Помнишь?

Н е к р а с о в. Конечно.

Л о. Я опьянела немного. Ведь я совершенно не пью вина...Постой... Голова закружилась...

Ло останавливается, смотрит, как завороченная. Медленно открывается стена. За ней Сад, деревья, газоны с цветами. Проливается легкий дождь. Прохаживаются отец и мать Ло, Карцев, Магда... В Саду появляется Наташа. Ло вскрикивает. Сад исчезает.

Н е к р а с о в. С тобой все в порядке?

Л о. Да. Голова закружилась... Так... Немного...

Опять на короткий момент приоткрывается стена, -- за ней Наташа. На ее лице испуг.

Н е к р а с о в. Да что с тобой?

Л о. Ничего. А с тобой?

Н е к р а с о в. Нормально. А что?

Л о(толкает его в кресло подальше от экрана). Сядь здесь и сиди! Не сходи с этого места!

Слышишь, что я сказала? Не сходи с этого места! Я скоро вернусь...

Ло ушла. Какое-то время Некрасов послушно сидит в отведенном ему месте. Но потом встает, наливает в бокал вина, уютно устраивается в кресле, неторопливо, с удовольствием выпивает.

Вспыхивает, мерцает экран, ярко светит в центре него светящаяся точка, насыщенное, светящееся излучение языками ползет по полу, как извергающаяся лава, острыми лучами пронзает воздух и все это ползет и движется все ближе и ближе к Некрасову. Какое-то время он этого не замечает, попивая вино и думая о своем. Вдруг его взгляд падает на пол, он поворачивает голову и смотрит на экран.

Н е к р а с о в. Черт побери!

Он быстро отскакивает в сторону, но деваться некуда, лучи все ближе и ближе. Он уже прижимается к спиной к стене, дальше дороги нет. Лучи пронзают со всех сторон, но пока мимо него.

Черт побери! Ладно! Припер! Ладно! Давай! Заканчивай! Меть в сердце. Думаешь, боюсь? Я все-таки человек. Я знаю, что такое достоинство. Меть в сердце!

И тут с экрана доносится треск, мерцание, свечение – все исчезло. На экране бледное лицо Ло.

(Устало. После паузы.) Ты это сделала...

Пауза. Ло молчит.

Разбила яйцо, сломала иголку...

Л о. Какое яйцо?

Н е к р а с о в. В утке на дне озера или в сундуке на высоком дубе на тяжелых цепях...

Л о. Меня будут судить? Он безумно дорого стоил...

Н е к р а с о в. А мы никому не скажем. Техника может ломаться... (После паузы.) Я все-таки поеду... Работа стоит. Хочешь – приезжай. Это зависит от тебя. (После паузы.) Зайди к Борису...

Экран погас. Некрасов вызвал родителей.

Привет!

М а т ь. Мы звонили тебе домой.

Н е к р а с о в. Я еще не добрался.

М а т ь. Что-нибудь случилось?

Н е к р а с о в. Все нормально. Были дела.

М а т ь. Ты до сих пор не сменил рубашку.

Н е к р а с о в. Виноват.

М а т ь. Ты неисправим.

Н е к р а с о в. Доберусь до дома – исправлюсь. Я сейчас вылетаю.

М а т ь. Ты же не любишь летать?

Н е к р а с о в. Надо когда-нибудь начинать. Целую. Из дому позвоню.

Экран погас. Некрамсов деловито осмотрел комнату, взял свой чемоданчик... и вышел. Пауза. Открылась стена. Сад. Легкий дождь, барабанят капли. В красках зелени – теплота и свежесть. Неторопливо прогуливаются отец и мать Ло, Карцев, Магда, Наташа, у их ног бегают собака...